

Записки краеведа

Борис Осыков

«Точно облитые чернилами...»

Май 1860-го. Теплое дыхание весны зовет на юг, к Черному морю, к благословенным крымским берегам. Путешественники – драматург Александр Николаевич Островский и его друг, знаменитый актер Александр Евстафьевич Мартынов – намереваются посетить несколько городов, где Мартынов будет играть в спектаклях. Островскому же хотелось увидеть свои пьесы в исполнении провинциальных актеров и откровенно поговорить с ними. Мартынов особенно нуждался в этой поездке к теплому целительному морю – его мучила чахотка. (Из этого путешествия актеру не суждено вернуться домой, в Москву, – он умрет на обратном пути, в Харькове, 16 августа ...)

Нагретый приветливым весенним солнцем тарантас миновал полосатые столбы Рогожской заставы и, несильно пыля, покатил к Туле, «В Тулу, – сообщал друзьям Островский, – мы приехали на другой день поутру и отдыхали целые сутки... За Тулой начинается чернозем, и для нас, северных

жителей, очень странно видеть поля и дорогу, точно облитые чернилами, но еще страннее пыль, которая имеет цвет сажи...»

Следующая остановка – в Воронеже: «Воронеж нам очень понравился, такого миленького, чистенького города я не видывал! Мы так провели там восемь дней, что выезжать не хотелось, особенно мне. Долго я буду помнить Воронеж!..»

И, наконец, строчки письма о наших черноземных белгородских местах: «От Воронежа до Харькова дорога идёт живописнейшими местами. Деревни и села расположены или в лощинах, или по склонам высоких гор и, в полном смысле слова, тонут в густых садах, хаты и самые бедные хатки тщательно выбелены. Города тоже живописны (Нижнедевицк, Старый Оскол, Белгород). Живописнее всех стоит город Короча: по крутому склону он сбегает в глубокую лощину, сплошь покрытую садами, со всех сторон его окружают высокие меловые горы. Женщины отличаются красотой и самым живописным костюмом, начиная от Воронежа и до Белгорода». Утром 30 мая Островский и его спутник выехали из Белгорода на Харьков, где им предстояла новая долгая остановка: Мартынов собирался играть в спектаклях, а Островский – впервые увидеть свои пьесы на украинской сцене.

Свадьба в Новой Таволжанке

В 1682 году известная всей России торговая фирма. «Петра Боткина сыновья» приобрела в Шебекинской волости Белгородского уезда Ново-Таволжанский свеклосахарный завод и вскоре превратила его в крупное предприятие, оснащенное новейшим оборудованием. К заводу проложили железнодорожную ветку. Завели Боткины и питомник фруктовых деревьев, винограда, кустарников и декоративных растений. Сажены «от Боткиных» охотно покупала вся Курская губерния.

Просторный господский дом в Новой Таволжанке, окруженный садом с липовой аллеей и чистыми прудами, по осени замирал и всю зиму стоял тихий и одинокий. Но с приходом погожей летней поры вновь радушно встречал столичных хозяев и их разноликих гостей.

У основателя фирмы, московского купца П.К. Боткина, который торговал чаем, было четырнадцать сыновей. Самый известный из них Сергей Петрович Боткин (1832-1889) – знаменитый врач, основоположник русской клинической медицины. Другой сын Дмитрий Петрович Боткин (1829-1889) руководил после отца торговой фирмой и Ново-Таволжанским сахарным заводом, но был и знатоком живописи, и даже председателем Московского общества любителей художеств. Да и остальным Боткиным не был чужд мир искусства. Михаил Петрович стал довольно известным художником, академиком живописи. Василий Петрович был литературным критиком и публицистом, дружеские отношения связывали его с Белинским, Некрасовым, Толстым, Тургеневым, Тютчевым, но особенно близко сошелся он с Афанасием Афанасиевичем Фетом. В доме Василия Боткина Фет познакомился с его сестрой Марией, и в 1857 году она стала его женой. Стала не только матерью детей поэта, но и его музой. Именно к ней он обращается в стихотворениях самого известного своего сборника «Вечерние огни».

Феты не раз бывали в Новой Таволжанке, в гостеприимном боткинском доме. Афанасий Афанасьевич и сам владел неподалеку – в Щигровском уезде – именьем Воробьевка...

В один из дней в Москве седую чету Фетов посетила их племянница, дочь Дмитрия Петровича Лизонька. И Фет вручил прелестной девушке третий выпуск «Вечерних огней» с чудесным автографом:

**Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманием эту тетрадь.
Можно ли трезвой то высказать силой ума,
Что опьяненному муза прошепчет сама?
Я назову лишь цветок, что срывает рука,**

Муза раскроет и сердце, и запах цветка...

Еще через год к Фетам пришла радостная весть: в Новой Таволжанке готовится бракосочетание Лизоньки с Константином Дункером, старшим инженером сахарного завода. И Феты, проведшие всего лишь неделю после долгих «зимних каникул» в родной Воробьевке, отправились в Белгородский уезд.

Нежно-зеленый, уже начинающий цвести «словно молоком облитый» – сад звенел веселой переключкой голосов, наполнился бравурным звучаньем оркестра. Но вот смолкло всё, и в чуткой тишине раздался негромкий, с легкой хрипотцой голос поэта:

**В часы забав, во дни пиров,
Пред божеством благоговя,
Поэты славил любовь
И пышный факел Гименя.**

**Он горячо волнует грудь
И сквозь покров полупрозрачный
На расцветенный кажет путь
И жениху и новобрачной.**

**И мы отраду возвестим
Князьям сегодняшнего пира;
Споет о счастье молодом
Моя стареющая лира.**

**На юность озираясь вновь
И новой жизнью пламенея,
Ура! и я хвалю любовь
И пышный факел Гименя...**

Уже возвратясь в Воробьевку, в письме к одному из своих друзей Фет

так поведал о свадьбе в Новой Таволжанке: «Через неделю по приезде нашем в деревню мы поехали на восток от Белгорода к Боткиным на их сахарный завод, где происходило 30-го апреля бракосочетание нашей племянницы с инженером Дункером. Воздерживаюсь от описания торжества, в котором мне пришлось фигурировать сперва как камергеру, вводящему невесту в церковь, а затем и как поэту, произнесшему пару строк с бокалом в руке...»

И смолк курантов бой

В стойкой утренней тишине вдруг прозвучит недолгая мелодия, и вслед за ней – ритмичные удары. Один, второй, третий, четвертый... И вот уже потянулись благочестивые белгородцы к многочисленным городским храмам, к праздничной обедне. И плывет над старинными мужским и женским монастырями, разливается по всему городу густой и непрерывный звон. А когда смолкают громогласные колокола, вновь возникает мелодичный перезвон и вслед за ним – размеренный бой курантов. И праздники, и будни, а кажется, и всю жизнь свою сверяют, выстраивают горожане по этим часам-курантам, что с 1700-х годов красуются на монастырской колокольне.

Их голос не смогла прервать даже тягостная цепь трагедий: первая русская революция, Первая мировая война, германская оккупация 1918-го и кровопролитная война гражданская. Менялось время, менялись люди, менялись хозяева добротных особняков на главных улицах Белгорода, заводов и фабрик, шерстоек, магазинов и лавок... Словно грибы после дождя выростали укомы, исполкомы, рабкрины, дорпрофсожи... И лишь куранты белгородские продолжали исправно и бесстрастно отбивать каждые четверть, пол- и целые часы. И новые советские чиновники, озабоченно

поторапливаясь в свои кабинеты, к бумагам и телефонам, приостанавливали спешный шаг, вытягивали за ремешок или серебряную цепочку часы-луковицу, чтобы сверить их стрелки по городским курантам.

Монастырские часы были точны поразительно. Исправно прослужили более двух столетий, без единого сколько-нибудь серьезного ремонта. Продолжали отсчитывать и новое советское время. Год, два, пять, семь... Но однажды горожане даже не заметили сразу, а скорее почувствовали, ощутили: чего-то недостает им на утренних улицах, что-то нарушено в привычном течении будней. Потянул чиновник за ремешок свою луковицу, откинул серебряную крышку, бросил быстрый взгляд на стрелки, перевел его на колокольню – и замер пораженный. На месте циферблата курантов зияла дыра. Пустая, черная. Кто это сотворил? Чьих рук дело?.. Шепот полз по городу и испуганно смолкал. Похоже, злоумышленников особенно и не искали. Но и о курантах не смогли забыть. Без них в Белгороде стало пустынной, скучней, сиротливей. И уже через два года, в 29-м, беспокойные и неутомимые люди-краеведы, едва объединившись в разрешенное властью общество, на первом же заседании решили заняться поисками ответа на вопросы: где городские куранты, как вернуть их на место? Впрочем, общество вскоре прикрыли, и поиски оборвались, едва начавшись. А новая страшная напасть – гитлеровская оккупация, казалось, похоронила даже воспоминания о чудесных курантах...

Светильник в окопе

Николай Мартынович Кооль. Человек с эстонской фамилией и российской биографией. Автор поистине легендарной песни «Там, вдали за рекой...», рождение которой обязано, прежде всего нашему Белогорью.

Обо всём этом уже рассказывалось не раз. Я же хочу рассказать еще об одной поразительной – фронтовой – странице жизни Кооля.

Весной 1941 года журнал «Дружба народов» опубликовал большую статью Н. Кооля «Эпос эстонского народа», а Гослитиздат принял заявку на подстрочный перевод богатырского эпоса «Калевипоэг». И Кооль отдавал переводу почти всё свободное от работы время. В общей тетради были исписаны первые страницы, когда грянуло 22 июня.

Он командовал ротой в Эстонском стрелковом корпусе, позже стал батальонным комиссаром...

Двойной накат из толстых свежих бревен сотрясают близкие разрывы. Струйками сыплется земля, и воздух в блиндаже мутнеет от пыли. Кооль будто и не замечает этого, листает словарь, вчитывается в знакомые строчки эпоса, изредка делает записи в измятой тетрадке...

Тихо в ночном лесу. Спят бойцы, усталые, измученные месяцами непрерывных артобстрелов и боев. Ни огонька вокруг. Только в одном месте светится край брезентовой палатки. Вот распахнулся ее полог, и в снопе слабого желтого света показался Кооль. Он идет по лесу, приглядывается к спящим. Услышав приглушенный разговор, подходит к бойцам и негромко говорит одному из них:

– Дружок, как вот это слово лучше, точней перевести на русский?..

Боец отвечает и удивленный спрашивает в свою очередь: «Неужели продолжаете «Калевипоэг» переводить?»

– Не спится, дружок... Через час Кооль с комбатом проверяют караулы. И командир выговаривает комиссару:

– Ну что ты, Мартыныч, себя изводишь... Глаз у тебя после контузии плохо видит, не спишь как полагается...

Но ворчит комбат так, «для порядка». Он знает: лучше политбесед действует на бойцов работа Кооля, а, главное, его вера: перевод эпоса будет необходим в мирной жизни, после победы. Да и сейчас стихи «Калевипоэга» не кажутся переводчику чем-то далеким, древним – нет, они звучат как гимн

мужеству и стойкости отважных и справедливых народных богатырей, таких же, как его товарищи по оружию...

Фронтные будни богаты невзгодами. И отсутствие свечей и керосина в батальоне переносили спокойно. Но каково было Коолью! Ведь он занимался переводом в основном вечерами. Впрочем, выход вскоре нашелся. В лесу оказался целый штабель брошенных отступившим врагом снарядов, достаточно было посильней ударить снарядом о пень – и доставай из гильзы сноп черных трубок пороха.

Одна такая черная «макаронина» горит слепящее ярким факелом почти две минуты. За это время Кооль успевал запомнить две-три стихотворные строки и найти в словаре неизвестные слова. И потом, уже в темноте мысленно шлифовал вариант перевода. Новая бенгальская вспышка – переведенное заносится в тетрадь.

Днем, в свободную минуту, Николай Мартынович проверял торопливые ночные записи. Иные из них разобрать было совсем непросто – слова и целые строки напознали друг на друга, сливаясь в хаос черточек и крючков – словно это писал слепой. Приходилось переводить заново... – Товарищ комиссар, это Вам! Кооль не сразу понял, что протягивает ему оружейный мастер – на ладони старшины лежала большая гильза противотанкового патрона. Только вместо капсюля – крышка с затейливой насечкой, сбоку припаяна тонкая трубка со стальным рубчатый колесиком. А под колпачком – вата, пропитанная бензином. Большая, отполированная до серебряного блеска зажигалка.

С этим солдатским подарком – светильником из гильзы – Кооль не расставался всю войну. При его слабом, мигающем свете – в блиндажах, землянках, окопе, под плащ-палаткой и в госпитальной палате (после тяжелого: ранения) он перевел почти все сорок тысяч стихотворных строк эпоса.

Истрепанные и сшитые из разноформатных, разноцветных листков тетрадки с переводом ему удалось переправить в Москву, в издательство. И

